

Уважаемые читатели!

6+

Каждый год 9 мая мы отмечаем День Победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 г.г.

В этом году Великой Победе исполняется 75 лет!

Об этой войне нужно помнить, передавать из поколения в поколение память о погибших, о тех, кто ценой своей жизни позволил нам родиться на этот свет и жить в своей стране свободными людьми.

Представляем вашему вниманию книги, рассказывающие о подвиге нашего народа в тяжелые и грозные годы Великой Отечественной войны.

*С Днём
Победы!*

Награды Великой Отечественной **ЗА СТОЙКОСТЬ!**

С. Алексеев

Али-Баба

А. Митяев

**Атакуют торпедные катера
Бесстрашный «Туман»**

О наблюдательности и находчивости рядовых солдат, о подвиге экипажей торпедных катеров и сторожевых кораблей расскажет эта книга.

Она познакомит юных читателей с наградами Великой Отечественной: медалями "За оборону Москвы" и "За оборону Советского Заполярья".

Для дошкольного и младшего школьного возраста.

**Медаль
«За оборону Москвы»**

Медалью «За оборону Москвы», учрежденной в мае 1944 года, награждались военнослужащие и простые москвичи, принимавшие участие в обороне столицы. Медаль также вручалась партизанам Московской области и защитникам города-героя Тулы.

Сергей Алексеев

АЛИ-БАБА

В одной из наступавших советских стрелковых дивизий сражался солдат Захаркин.

Был раньше Захаркин цирковым актёром — иллюзионистом, фокусником. Прознали об этом солдаты. Полезли к нему с вопросами:

— Что же ты можешь? Карты отгадывать можешь?

— Могу.

— Ленты вытаскивать изо рта?

— Могу.

— Вынимать из пустого цилиндра живого голубя?

— Могу, — отвечает Захаркин.

— Шпагу глотать?

— Умею.

Гадали солдаты, что бы ещё придумать. И вот какой-то шутник нашёлся:

— А можешь так, чтобы фашисты из собственных пушек по своим же войскам ударили?

— Надо подумать, — сказал Захаркин.

— Думай, думай, — смеются солдаты. Довольны солдаты — озадачили, выходит, они Захаркина. Да разве такое кто-нибудь сможет! Даже хотя бы старик Хоттабыч, хотя бы сказочный Али-Баба!

Прошёл день, прошло два. Ещё день после этих двух.

— Ну как? — полезли солдаты опять к Захаркину. — Сможешь ли так, чтобы фашисты из собственных пушек по своим же войскам стреляли?

— Смогу, — заявил Захаркин.

Сошли усмешки с солдатских лиц. На Захаркина недоверчиво, косо смотрят.

— Смогу, — повторил Захаркин.

Отступают фашисты, отходят, однако чуть что — огрызаются. В это время как раз на наши позиции начался налёт фашистской авиации. Прижались солдаты к земле. Укрылись в блиндажах и окопах. О Захаркине думают: «Эка ж шутник Захаркин».

Отбомбили, ушли фашистские самолёты.

— Ну что ж, смотрите, — сказал Захаркин.

Взял он ракетницу, что-то непонятное пошептал. Выстрелил трижды в сторону фашистских позиций. Опять зашептал.

И вдруг завывла, заиграла фашистская артиллерия. Бьют, словно взбесившись, орудия по своим.

Остолбенели солдаты, опешили. То на Захаркина смотрят, то в сторону вражеских позиций, где рвутся снаряды, кроша фашистов.

Отстреляла фашистская артиллерия. Не верят солдаты произошедшему:

— Может, привиделось!

— Может, обман, гипноз!

Кто-то сказал:

— Оно бы пойти проверить.

Вызвались смельчаки. Поползли к переднему краю, к фашистским окопам. Вскоре вернулись.

— Взаправду, — кричат, — взаправду лупили фашисты! На побитом лежит побитый!

Вот так дела!

Смотрят солдаты на Захаркина, как на чудо.

Смеётся Захаркин. Не мучил долго бойцов Захаркин. Постоял, помолчал, насладился эффектом. А затем объяснил солдатам, в чём дело.

Оказалось, все эти три дня Захаркин зорко следил за фашистами. Приметил он, что в обстреле советских позиций у гитлеровцев был один и тот же порядок, один и тот же шаблон. Вначале бомбила наши позиции авиация. Затем в воздух взлетали ракеты. Ракеты и указывали фашистским артиллеристам, в какую сторону стрелять артиллерии.

Запомнил Захаркин, какими цветами ракет давали фашисты сигнал. Вот и использовал теперь этот сигнал — выстрелил ракетами того же цвета в сторону фашистских позиций.

За наблюдательность и находчивость рядовой Захаркин был награждён медалью.

Довольны солдаты:

— Ай да старик Хоттабыч! Ай да Али-Баба!

Анатолий Митяев

АТАКУЮТ ТОРПЕДНЫЕ КАТЕРА

Был июль 1944 года. Советский самолёт-разведчик обнаружил у берегов Норвегии небольшой конвой противника. Двигался конвой на восток, в один из фиордов, где у фашистов был порт и склады. По пути к конвою присоединялись новые транспорты. Прибавлялись и корабли, охранявшие их, по-морскому — корабли охранения.

Хорошая, ясная погода сменилась ненастьем. На воду опустился густой туман. Наша воздушная разведка потеряла противника из виду. То ли он продолжает движение, то ли остановился где-то?

В том районе моря охотилась за фашистскими судами подводная лодка С-56. Она и обнаружила пропавшего было врага. В конвое шло уже шесть транспортов, а охраняли их три миноносца, три сторожевых корабля, шесть тральщиков и пятнадцать сторожевых катеров. Верно, транспорты везли что-то очень ценное, если было столько сторожей. Храбрые подводники искусно подкрались к конвою и выпустили торпеды в миноносец. Удар был точный. Миноносец взорвался, потонул. А командир С-56, прежде чем лодка ушла на глубину, по радио сообщил командованию и состав конвоя, и место, где он находится.

Медаль «За оборону Советского Заполярья»

Учреждена в декабре 1944 года. Медалью «За оборону Советского Заполярья» награждались военнослужащие, а также мирные граждане, принимавшие участие в его защите.

Если была бы хорошая погода, за транспорты и корабли фашистов взялась бы наша авиация. Самолёты-штурмовики, самолёты-торпедоносцы и пикирующие бомбардировщики грозно расправлялись с врагом на море. Но погода была нелётная. И командующий Северным флотом адмирал Арсений Григорьевич Головкин поручил эту боевую задачу отряду торпедных катеров.

У фашистов двенадцать боевых кораблей и пятнадцать сторожевых катеров. Да и на транспортах стоят пушки и пулемёты. Сколько же должно быть наших, чтобы одержать победу над таким сильным врагом?

Атаковать конвой будут восемь советских корабликов. Столько готово в этот час к бою. Но и восемь, если воюют отважные, умелые моряки, — сила грозная.

У торпедного катера большая скорость. Он словно летит по морю. В пенном буруне его почти не видно. Носом он целится в корабль врага, а значит, целится и торпедами. Торпеды лежат в двух аппаратах по бортам. Как вылетит торпеда из аппарата и пойдёт своим ходом в цель, катер развернётся, зажжёт дымовые шапки. Скрытый дымовой завесой, выйдет из боя. Это, конечно, упрощённое описание тактики, то есть боевой работы торпедных катеров. В бою всё бывает сложнее, труднее, опаснее.

В кильватерной колонне, гуськом, один за другим, восемь торпедных катеров спешили на пе-

рехват конвой. Шли вдоль вражеского берега. Погода начала меняться. Катера то рассекали полосы сплоного тумана, то мчались под ясным небом.

Наблюдательные посты фашистов с высоких сопок заметили наш отряд. Береговые орудия начали стрельбу. Тогда один катер, увеличив скорость, понёсся между берегом и колонной. За собой он оставлял полосу густого дыма. Стрельба прекратилась, артиллеристы уже не видели катеров.

Это было хорошо для наших. А плохо было то, что наблюдатели предупредили фашистов на кораблях: «Идут советские катера!» Внезапной атаки у наших не получилось.

Как только вышли из-под обстрела, так увидели конвой. Транспорты, окружённые кораблями и катерами, направлялись в фиорд.

Командиру отряда капитану третьего ранга Владимиру Николаевичу Алексею надо было в считанные минуты решить, какие транспорты и какие корабли атаковать. У фашистов их в общей сложности тридцать два! Выбранные цели надо распределить между своими катерами. Одни будут пускать торпеды в транспорты, другие — в охрану. По радио катерам отдан приказ.

И катера пошли — на самой большой скорости. Кораблики бросались из стороны в сторону, непрерывно ставили дымовые завесы. Этим они спасали себя от прицельного огня противника. Не позволяли врагу целиться точно. И всё равно вода

вокруг катеров кипела от разрывов, воздух был наполнен грохотом, гулом, свистом. Осколки градом стучали по защитным броневым плитам.

Около десяти минут — под таким огнём! — катера сближались с конвоем. Командиры катеров с железным мужеством рассчитывали, как лучше атаковать свою цель. Промахнуться нельзя. У катера всего две торпеды...

Флагманский катер, тот, на котором командир отряда, закрылся дымом от немецких сторожевых катеров и приблизился к большому транспорту. Гитлеровцы с высокого борта бьют из пулемётов и пушек. Снаряды взрываются у самой кормы. Погиб радист катера, ранен помощник командира. Но вот фашисты побежали от пушек, попрыгали в воду. Они увидели, что в середину их транспорта идут две торпеды. После грозного, оглушительного взрыва судно окуталось паром и дымом. Разломилось надвое. Обе половины пошли на дно.

Два миноносца охраняли самое ценное судно. Они встретили катера ураганным огнём. Наш катер поставил дымовую завесу, ушёл за неё и, тут же выскочив из дыма, выпустил в миноносец две торпеды. Другой катер торпедировал второй миноносец. А третий, пока враги были в замешательстве, потопил транспорт. В стороне от этой схватки погружался в море торпедированный сторожевой корабль.

Катеру лейтенанта Юрченко первая атака не удалась. Он выпустил торпеду в танкер, который шёл с горючим в конце колонны, и не попал. Море было заполнено вражескими кораблями, а для борьбы с ними оставалась лишь одна торпеда. Это было досадно командиру, умевшему стрелять метко. Двамя неделями раньше катер Юрченко потопил большой транспорт. Ударил ему точно в середину. И теперь лейтенант, сохраняя торпеду для другой цели, решил взять танкер на абордаж — высадить на его палубу своих моряков.

Пулемёты катера стреляли по фашистам, суетившимся на палубе. Круто развернувшись, катер остановился у борта вражеского судна. Гранатами, автоматными очередями наши моряки согнали противника в воду. Тут же перескочили на танкер, заложили в машинном отделении подрывные патроны, подожгли шнур. Катер поспешно отошёл от обречённого танкера. Грянул взрыв, за ним — второй, с гулом и пламенем. В нём исчезли и танкер, и горючее, так нужное сухопутным войскам фашистов.

Море, где шёл бой, было исполосовано дымами. Дымовые завесы, во множестве поставленные, сливались, разрывались, перемещивались. Они разъединили корабли. И трудно было понять, где свои, где чужие. В густой мгле противники чуть ли не сталкивались. Обменявшись пулемётными очередями, ныряли во мрак.

На катер Юрченко почти наскочил сторожевой корабль фашистов. Наш кораблик увернулся от столкновения, вражеские снаряды, посланные в катер, пролетели мимо. А торпеда, пущенная катером, на этот раз настигла свою цель. Удар был точный. Сторожевик взорвался.

Две победы! Но вот взрывом снаряда разворотило корму нашего катера. В пролом хлынула вода. И тут выскочили из дымовой тучи четыре сторожевых катера противника.

— Расстреливают в упор! — передал лейтенант последнее донесение по радио. — Прощайте...

С начала боя, с того момента, когда восемь торпедных катеров сблизилась с конвоем, прошло чуть больше двадцати минут. Все торпеды были израсходованы. Потопив три транспорта, грузовое судно и три корабля охранения, наши катера уходили домой. Шли только семь.

Командующий флотом на своём командном пункте и товарищи на катерах — все слышали донесения Юрченко по радио: о потоплении сторожевика, о подрыве танкера. И прощальные слова слышали. Всем было жалко храбрых моряков. Печалась о погибших друзьях, североморцы утешались тем, что за один наш маленький катер враг заплатил семью своими большими судами и кораблями...

Однако рассказ об атаке торпедных катеров на этом не кончается. Шло время. Бесперывный северный день сменился непрерывной ночью. Бо-

евые действия в Заполярье стихли. И тогда североморцы узнали: лейтенант Юрченко, которого считали погибшим, жив.

Было вот как. Сторожевые катера противника после боя подбирали на воде своих моряков. Выловили они и раненого советского лейтенанта. Юрченко попал в плен к фашистам.

Фашисты пленных отправляли в концентрационные лагеря. В концлагере на территории Норвегии оказался и наш командир. Когда зажила рана, Юрченко начал готовиться к побегу. Он подружился с норвежцем, тоже узником фашистов. Вдвоём они и бежали от эсэсовской охраны. Долго пробирались через леса и горы в соседнюю страну Швецию. В Швеции фашистов не было. Перейдя границу, друзья уже были вне опасности. Шведы помогли нашему моряку добраться до советского посольства. А посольские работники отправили Юрченко на Родину.

Можно представить, как радостно встретились боевые товарищи! Тогда же командующий Северным флотом адмирал Головкин вручил лейтенанту Виталию Демидовичу Юрченко — за участие в разгроме вражеского конвоя — орден Красного Знамени.

БЕССТРАШНЫЙ «ТУМАН»

«Туман» — сторожевой корабль, сторожевик, как принято говорить на флоте. Он был из семьи кораблей, вооружённых двумя пушками, пулемётами, минами и глубинными бомбами.

Все корабли той семьи носили схожие имена: «Ураган», «Шторм», «Тайфун», «Шквал», «Пурга», «Туча», «Гроза»... Моряки других кораблей называли их в шутку дивизионом плохой погоды. Экипажи сторожевиков не обижались на шутку товарищей. Они справедливо считали, что названия эти самые морские. Разве есть море без штормов, ураганов и туманов? К тому же экипаж может прославить свой корабль подвигом. Тогда простое имя будет звучать грозно, оно навеки останется в памяти народа. На что уж скромное название — «Ёрш»! А фашисты на Балтийском море боялись «Ёрша» — нашу подводную лодку. Обнаружив её, предупреждали по радио свои суда и корабли: «Берегитесь! «Ёрш» потопит торпедой!»

С первых дней войны «Туман» нёс дозорную службу в Баренцевом море, у входа в Кольский залив. Он следил, чтобы враг не появился незамеченным на морской дороге в Мурманск.

Поначалу всё было хорошо. «Туман» отбил атаку фашистских самолётов. Потом сам атаковал вражескую подводную лодку. Сбросил на неё глу-

бинные бомбы. И лодка, спасаясь, ушла от наших берегов. Но вот далеко в море, там, где небо как бы сходится с водой, показались три корабля. Это были эсминцы немецких фашистов. Эсминец гораздо крупнее и сильнее сторожевика. На «Тумане» два небольших орудия. На эсминце пять больших. А всего у фашистов против наших двух — пятнадцать! И всё же командир «Тумана» старший лейтенант Лев Шестаков повёл сторожевик навстречу врагам. Корабль в дозоре — как часовой на посту. Пусть малы его силы, он должен задержать врага до прихода помощи. Если эсминцы подойдут близко к берегу, они причинят нашим много бед.

Внезапный набег фашистам не удался. Они открыли артиллерийский огонь по сторожевику. «Туман» ответил своими снарядами.

Вокруг нашего корабля начали вздыматься водяные столбы. Сторожевик менял курсы, то бросался влево, то вправо, уходил из-под града снарядов. И всё же один снаряд взорвался на корме. Тем взрывом повредило кормовое орудие. Теперь стреляло лишь носовое орудие «Тумана». Но сторожевик не вышел из боя.

Ещё один снаряд разбил мостик. И тут все три эсминца перестали стрелять. Перевязывая раненых, заделывая пробоины, моряки «Тумана» заметили, что на мачте корабля нет флага. Обгоревшее полотнище лежало на палубе. Осколком перебило шнур, которым крепился флаг. Если нет

на мачте флага, значит, корабль сдаётся. Так и рассудили фашисты на эсминцах. Они приготовились пленить наш корабль — увести его к себе, дать ему другое имя — немецкое, поднять на мачте свой флаг — фашистский со свастикой и воевать на нашем корабле против нас.

К флагу бросился рулевой Константин Семёнов. Он был ранен. Ему было больно. Но он забрался на мачту и прикрепил флаг на прежнее место. Снова на «Туман» обрушился град снарядов. Осколки летели так густо, что шнур снова перебило. У Семёнова не было сил связать концы. Ухватившись за мачту, он прижал шнур к груди, и флаг опять был над кораблём.

Умолкла носовая пушка «Тумана». Теперь у наших моряков осталось единственное оружие — советский военно-морской флаг. Пока он вьётся над сторожевиком, сопротивление врагу продолжается!

Рулевой Семёнов терял сознание. Флаг должен был снова упасть. К мачте бросился другой Константин, радист Блинов. Он закрепил флаг на мачте.

Одиннадцать вражеских снарядов попало в «Туман». Сквозь пробоины в корпусе хлестала вода. Накренившись на правый борт, корабль погружался в воду. Моряки спустили уцелевшую шлюпку. На их глазах «Туман» под своим флагом — не сдавшийся — ушёл в пучину Баренцева моря.

Сторожевик исполнил свой долг. По эсминцам ударила наша дальнобойная береговая батарея. Вражеские корабли поставили дымовую завесу. Под её прикрытием начали уходить восвояси. Уже во вражеских водах их догнали и бомбили наши самолёты.

«Туман» погиб 10 августа 1941 года. Много лет прошло с того времени. Но каждый год в десятый августовский день североморцы на месте гибели сторожевика опускают на воду венок — в память о героическом корабле и погибших в бою моряках. А имя «Туман» носит теперь современный противолодочный корабль.

